

Родом из детства

Часто удивляешься, что составляет того или иного автора писать для детей, какой своей внутренней радостью хочет поделиться этот унылый человек с ребятами? Чехов когда-то написал, что не верит в «детскую» литературу, созданную специально для ребенка, как не верит в лекарства, изобретаемые только для детей. Вопрос лишь в дозах.

В самом деле: «Золушка», «Спящая красавица», «Щелкунчик» — детская ли это музыка? Искусство для детей — искусство «навысоко». Оно должно быть полностью в смысле его высокого качества, вкуса и силы — пусть сегодня юный зритель побывает на первых «этажах» произведения и не проникнется трагизмом Адажио из «Щелкунчика», но впоследствии он поднимется выше этажом, вернется к этой музыке и будет листать ее страницы, которые будут занимать его, уже взрослого. Как говорится, пусть не все, но часть будет понятна ребенку, и тогда есть перспектива приобщения его к прекрасному.

О нескольких «этажах» восприятия произведений для детей, о двойном адресате андерсеновских сказок думаешь на спектакле Ленинградского академического Малого театра оперы и балета «Гадкий утенок» — балете молодых, талантливых и «детских» композиторов О. Петровой, И. Цеслюкевич, А. Микиты не в смысле их жанровой принадлежности, а по самому духу их творчества.

Музыка балета «Гадкий утенок» трогательная и беспечная,

грозная и смешная, музыка ночи и утра — все, что есть в Андерсене, чем дышат его истории.

В хореографии Леонида Лебедева, постановщика спектакля, раскрыты возможности пластического выражения сказки и вообще наших представлений о пластике сказочного. Необычайно интересны повороты событий, выраженных танцем, совершенно лишенных иллюстративности и банальности решений.

Одна из начальных сцен спектакля — сцена рождения утенка. Первое, что он видит, открыв глаза, — стая пролетающих, прекрасных в своем движении лебедей. Все в птичьем дворе принимаются пародировать их, один только утенок поражен и потрясен открывшейся перед ним красотой. Через весь спектакль хореограф проводит тему преемственности прекрасного, идеи, что если с первого взгляда на мир мы увидим прекрасное, то тяга к нему станет привычкой и желанием, мы будем искать встреч со всем лучшим, что есть в жизни и в нас самих.

Паустовский писал о том, что каждая сказка Андерсена хранит в себе и другой, потаенный смысл, который откроется позже, когда ребенок станет взрослым. Мне кажется, что новый балетный спектакль театра сделан тоже с таким же двойным прицелом. Он не скрывает от ребенка воз-

можностей жизненной драмы, конфликта хорошего с низким и как бы подготавливает его к этому. Путь к доброму и красивому труден, может быть, печален, а учеба у жизни сложна и тяжела, говорят авторы спектакля. Но утенок верил в то, что кроме птичьего двора, обид и насмешек существует и иное — лебеди, их красота, полет и отвага. И поэтому он победил. Эта тема находит свое выражение не только в пластике спектакля, но и в музыке. От гротеска и пародии к нежному, трепетному, ликующему звучаниям ведет от номера к номеру музыкальный руководитель постановки В. Кожин.

И, конечно же, внимания заслуживают исполнители главных партий балета — Г. Абайдулов (Гадкий утенок), артист с выразительной пластикой и незаурядным актерским мастерством, и В. Аджамов (Вожак лебединой стаи), создающий значительный и глубокий образ.

По спектаклю для детей можно судить об уровне и категории театра, о его ресурсах и возможностях. Если спектакль ставится всерьез, как это случилось с «Гадким утенком» в Малом театре оперы и балета, без скидок на возраст, на мнимую «непритязательность» детской аудитории — значит театр думает о своем будущем. Те же зрители-дети через какое-то время приходят в этот

же театр со своими детьми, и то, что театр покажет им сегодня, должно быть наивысшего качества и обладать той самой «этажностью».

Можно сказать об изобретательности художников спектакля (Е. Пушкиной, А. Пушкина): лопух, нависающий над сценой, корзина, из которой выбирается утенок, чтобы летать, как лебеди, озеро — все это сделано талантливо и щедро. Но следы экономии театра все-таки видны. А я думаю, экономить на спектаклях для детей пагубно. Это всегда оборачивается против театра, если не сегодня, то завтра. Пусть на детских спектаклях будут «настоящие» гром и молнии, полеты и исчезновения, театральная достоверность, которую так ждет ребенок.

Кстати, наверное, неправильно поступают те театры, которые организуют экскурсии за кулисы, показывая, «как это делается». Театр был и должен оставаться для зрителя тайной и чудом, особенно для юного...

Сегодня Гадкий утенок превращается в Лебеда в театре, завтра — рядом с нами. И в этом жизненная мудрость сказки Андерсена — для всех и на все времена.

Сергей БАНЕВИЧ,
композитор, заслуженный
деятель искусств РСФСР.
ЛЕНИНГРАД.

Соб. ксерокопия, 1984, Засур.